

Оксана Вадимовна Яншина¹
oyanshina@mail.ru

ЛИДОВСКАЯ И ОХОТСКАЯ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В статье делается попытка проанализировать проблемы выделения двух археологических культур Дальнего Востока — лидовской и охотской. Для обеих характерны крайняя неоднородность и в принципе отсутствие таких черт, которые были бы общими для всех их памятников. С этой точки зрения они в корне отличаются от таких широко известных археологических конструкторов, как зайсановская, срубная или андроновская мегакультуры, или культурные общности. И тем не менее, несмотря на такую сложную ситуацию, по отношению и к лидовской, и к охотской культурам многие исследователи до сих пор продолжают использовать общие названия, подспудно указывающие на их единство. Почему же это происходит и как нам следует относиться к данному явлению? Наш анализ показывает, что в этом плане материалы охотской и лидовской культур различны. За охотскими памятниками стоит население, противостоящее и в культурном, и в хозяйственном, и, скорее всего, в лингвистическом отношении протоайнскому и прототунгусо-маньчжурским культурным конгломератам, что и даёт нам некоторые основания для сохранения собирательного общеохотского термина. В то же время лидовская культура может существовать лишь как геохронологическая единица систематизации, своего рода аналитическое упрощение, необходимое для облегчения научной коммуникации в тех случаях, когда проблемой неоднородности можно пренебречь. Впрочем, и для такого её понимания появляется всё больше контраргументов, связанных с обнаружением лидовских по облику памятников не на востоке Приморья, а в южных и западных его районах.

Ключевые слова: Дальний Восток, охотская культура, лидовская культура, палеометалл, археологическая культура.

Oksana V. Yanshina¹
oyanshina@mail.ru

LIDOVSKAYA AND OKHOTSKAYA CULTURES: THE DEFINITION PROBLEMS

The article attempts to analyze the problems of distinguishing two archaeological cultures of the Far East — Lidovskaya and Okhotskaya. Both of them are extremely heterogeneous and, in principle, do not have any features that would be common to all their sites. From this point of view, they are fundamentally different from such widely known archaeological constructs as the Zaisanovskaya, Srubnaya, Andronovo “megacultures”. And nevertheless, many researchers still continue to use common names for both the Lidovskaya and Okhotskaya cultures, which latently indicate their unity. Why does this happen and how should we

¹ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), RAS, Saint Petersburg, Russia.

treat this phenomenon? Our analysis shows that in this regard, the materials of the Okhotskaya and Lidovskaya cultures are different. Behind the Okhotsk relics there is a population opposed both in cultural, economic and, most likely, linguistic respects to the Proto-Ainu and Proto-Tungus-Manchu cultural conglomerates, which gives us some grounds for preserving the collective Okhotsk term. At the same time, the Lidovskaya culture can exist only as a geo-chronological unit, a kind of analytical simplification necessary to facilitate scientific communication in cases where the problem of its internal heterogeneity can be neglected. However, even for such an understanding of it, more and more counter-arguments are appearing, connected with the discovery of sites of Lidovskaya appearance, not only in the east of Primorye, but in its southern and western regions as well.

Keywords: Far East, Okhotsk culture, Lidovka culture, Early Metal, archaeological culture.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие археологической культуры является одним из основных в археологической науке и вместе с тем одним из самых сложных для определения. Обращаясь к повседневной практике археологических исследований, можно увидеть, что оно здесь повсеместно выступает своего рода заместителем субъекта исторического процесса. Археологические культуры, читай — группы людей, которые с ними ассоциируются, контактируют, мигрируют, деградируют, имеют то или иное происхождение, ту или иную судьбу. Найти в литературе употребление понятия археологической культуры вне этого понимания невозможно.

Однако археологические культуры бесконечно варьируют — и по масштабам, и по степени однородности, силе внутренних связей, и по тем признакам материальной культуры, которые их объединяют или различают. И хотя предложено уже большое количество уточняющих терминов, которые помогают отличить одну ситуацию от другой, они всё-таки не помогают приблизиться к главному — к пониманию сущности стоящих за ними человеческих групп в терминах специальных наук: этнографии или культурной антропологии.

Всё это порождает немало трудностей при использовании понятия «археологическая культура», но наибольшие вызывают так называемые мегакультуры. Они, как правило, очень неоднородны и распадаются на отдельные локальные или ло-

кально-хронологические варианты, которые, в свою очередь, также нередко называют археологическими культурами. Что представляют из себя эти конгломераты в чём-то близких, а в чём-то различных культур, неясно, а найти им «живой» эквивалент почти невозможно.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть и понять с этой точки зрения две такие культуры — охотскую и лидовскую. Обе они хорошо известны археологам Дальнего Востока и занимают смежные ареалы, разделённые водами Японского моря: лидовская — материковые территории Приморского края, расположенные к югу — юго-западу от этой буферной зоны, а охотская — острова и прибрежные участки Хабаровского края к северу — северо-востоку от неё (Дерюгин 2008а, 2010; Сидоренко 2007). Обе культуры, кроме того, в значительной степени пересекаются хронологически и представляют эпоху, промежуточную между неолитом и ранним (в случае лидовской) или поздним (в случае охотской) средневековьем. Но выбор их для рассмотрения в рамках настоящей статьи продиктован иными обстоятельствами.

Во-первых, общей особенностью этих двух культур является крайняя неоднородность памятников. Хотя, как мы уже отметили, такое встречается в археологии очень часто, лидовская и охотская в этом отношении несколько выделяются, что и послужило главным мотивом для их перекрёстного анализа, т.к. он позволяет высветить некоторые важные моменты.

Как показывает история изучения обеих культур, обе они «собирались» не на основании сходства друг с другом тех или иных памятников, а на основании их отличия от остальной массы других известных на тот момент памятников и культур. В результате в одном таксоне и в том и в другом случае оказались собраны весьма разнородные материалы. В историографии эта проблема обозначилась давно, и соответственно накопилось уже немало разных и нередко противоречащих друг другу вариантов её решения. Чаще всего исследователи предлагают свои варианты систематизации памятников каждой из культур, иногда пытаются осмыслить их неоднородность, предлагая особую терминологию. Проблема, однако, сохраняется, и мы по-прежнему не знаем, есть ли вообще основания выделять лидовскую и охотскую культуры в том виде, в котором это было сделано.

Во-вторых, как выясняется спустя годы исследований, обе культуры вообще не имеют хотя бы одной черты, которая бы объединяла все памятники каждой из них. Надо отметить и подчеркнуть, что с этой точки зрения они в корне отличаются от таких широко известных археологических конструктов, как, например, зайсановская, срубная или андроновская общности, а значит, использовать по отношению к ним соответствующие термины крайне затруднительно. Такое положение вещей является весомым аргументом против интерпретации обеих культур в качестве цельных таксонов, поскольку для этого необходимо хоть что-то, связывающее их, кроме пространства и времени, к тому же весьма обширных.

В-третьих, несмотря на все отмеченные выше обстоятельства, в литературе по отношению к обеим культурам продолжают использоваться общие имена, подспудно указывающие на их единство. Почему же это происходит? Попробуем разобраться, есть ли для этого реальные основания и какие именно. Сначала мы покажем меру неоднородности лидовской и охотской культур, опираясь на последние опубликованные материалы, а затем рассмотрим и наш основной вопрос.

ЛИДОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Основанием для выделения лидовской культуры в своё время стали памятники, в материалах которых были представлены два компонента (Дьяков 1989). Один неолитоидный и специфичный, в основном не имевший прямых аналогий в других неолитических памятниках Приморья, другой более поздний, напротив, с целым рядом параллелей в культурах раннего железного века, не важно, будь то янковская культура или её северные континентальные варианты. Смешанный характер лидовской культуры породил дискуссии, которые впоследствии разрешились путём разделения её памятников на несколько групп, главным образом на основании анализа их керамических коллекций. Но в одном случае каждая из этих групп стала восприниматься как прообраз самостоятельной культурной группы населения (Яншина 2004), а в другом — как подразделения одной культуры (Сидоренко 2007).

К сожалению, никаких рациональных оснований для ответа, какой из двух подходов более оправдан, предложить невозможно до сих пор, поскольку вопрос не в том, что исследователи по-разному видят сходства и различия отдельных групп памятников, а в том, как они их интерпретируют. Соответственно, всё упирается в неразрешимые пока трудности понимания основных понятий археологической систематики. В силу этого ситуация вокруг лидовской культуры перестала развиваться, а вопросы о том, можно ли считать население, связанное с ней, родственным и чем обусловлены его внутренние различия, так и остались открытыми.

По прошествии многих лет становится ясно, что понятие лидовской культуры сохранилось и активно используется, причём гораздо чаще, чем термины, обозначающие отдельные её группы (см., напр.: Алкин 2010; Малков 2017; Морева и др. 2017; Дерюгин 2018; Жущиховская, Никитин 2019; Никитин 2022; Popov et al. 2019), тем самым как бы признаётся единство этого композитного образования, невзирая на все различия.

Для того чтобы разобраться, попробуем взглянуть на материалы лидовской культуры с точки зрения наличия у её памятников объединяющих черт. К сожалению, здесь нам на помощь приходит только керамическая посуда, поскольку остальные находки являются немассовыми или единичными.

Итак, если применить обозначенный нами принцип и вывести за скобки поселение Ветроудуй, которое хотя и отнесено к суворовско-тетюхинской группе, но в действительности имеет уже сильно изменённый, синкретичный облик, в том числе за счёт появления северных (охотских) и в целом более поздних элементов, а также отличается уже средневековой хронологией, то мы увидим, что остальные памятники, объединяемые сейчас в лидовскую культуру, распадутся на три группы: маргаритовскую (1); собственно лидовскую (2) в составе памятников с керамикой лидовско-типевайского (а), суворовско-тетюхинского (б) и чернятинского (в) типов; и лидовско-янковскую (ахобинскую) (3), также довольно разнообразную, но всё же объединённую рядом общих черт (рис. 1; табл. 1).

В развитии памятников лидовского круга выделяются два важных рубежа. Один приходится усреднённо на рубеж II и I тыс. до н.э. и связан с появлением первого металла и памятников суворовско-тетюхинского облика, второй, также усреднённо, — на середину I тыс. до н.э., когда в Приморье появляется железо и повсеместно распространяются керамические комплексы с валиковой орнамента-

цией. Соответственно, у нас намечаются три этапа: финально-неолитический (или переходный), раннего палеометалла (или «эпохи бронзы») и позднего палеометалла (или раннего железного века). При этом первый рубеж проходит внутри памятников лидовской группы, часть которых вместе с маргаритовскими должна быть отнесена к финалу неолита, а часть — к раннему палеометаллу. Среди первых — памятники лидовско-типевайского облика, среди вторых — памятники чернятинского и суворовско-тетюхинского типов. В то же время с определением хронологии лидовско-типевайской группы имеются некоторые трудности, поскольку прямых надёжных дат для её памятников нет, а вместо этого можно предложить серию наблюдений, позволяющих отнести время начала её формирования к рубежу III и II тыс. до н.э.

Во-первых, это ^{14}C даты стоянки Узкое-1, расположенной в устье р. Аввакумовки: 4130 ± 120 (СОАН-4312), 4230 ± 150 (СОАН-4313) (Крупяно, Табарев 2001). Они были получены на рубеже 1990—2000-х гг., но на характерные черты материалов этой стоянки (керамика + антропоморфные фигурки) ещё раньше обратила внимание А.В. Гарковик (Гарковик 1980).

Во-вторых, первые орнаментальные элементы, специфические для памятников лидовско-типевайского облика (ногтевые отпечатки на верхней грани валика, оформлявшего венчик, горизонтальные штрихи и бороздки там же), появляются в Приморье ещё в составе приханкайских финально-неолитических памятников. Так, в материалах поселения Боголюбовка-1 встречаются

Таблица 1

**Группы памятников лидовской культуры,
объединяемые общими чертами**

Группы	Объединяющие черты
Маргаритовская	- Формы сосудов - Гребенчатый штамп на венчике-карнизе - Зайсановско-приханкайские элементы
Лидовская	- Формы сосудов (с горловиной) - Прочерченные линии, арки/ногти на утолщённом венчике - Раковинный отощитель
Лидовско-янковская	- Формы сосудов («вставные» горловины) - Орнаменты, типичные для культур раннего железного века

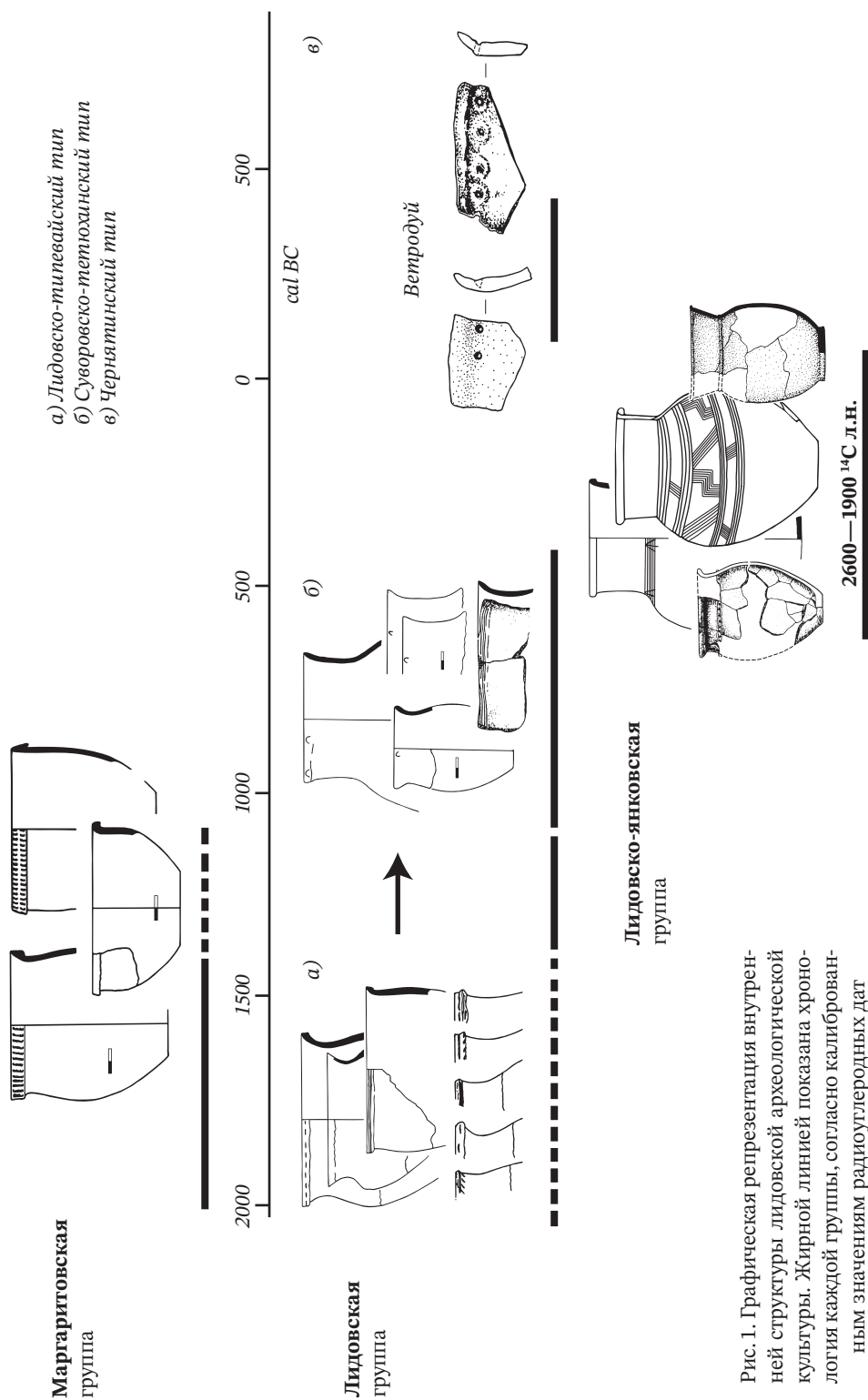

Рис. 1. Графическая репрезентация внутренней структуры лидовской археологической культуры. Жирной линией показана хронология каждой группы, согласно калиброванным значениям радиоуглеродных дат

узоры из горизонтальной линии, выполненной в технике протаскивания, или одного ряда горизонтально ориентированных удлинённо-овальных оттисков (всего 14 фр. из 108 венчиков, относящихся к приханкайскому комплексу). В материалах памятника Мустанг на верхней грани валика помимо этих двух вариантов есть также горизонтально расположенные ногтевые оттиски, причём на керамике как без орнамента на стенках, так и с типичным приханкайским орнаментом, как с примесью талька, так и без него. Типичные приханкайские сосуды с горизонтальной бороздкой, реже с горизонтально ориентированными удлинёнными оттисками, встречаются и в просмотренных мною коллекциях с памятников Куркуниха (сборы ДВАЭ 1958—1959 гг., фонды ИАЭТ СО РАН) и Глазовка-городище (Коломиец и др. 2002). Кроме того, в материалах Реттиховки-Геологической вместе с керамикой приханкайского облика был обнаружен гладкостенный сосуд с ногтевыми оттисками, близость которого к некоторым находкам на Лидовке-1 отмечалась авторами (Коломиец и др. 2002а: рис. 5: 2, 4; 6: 1).

Все эти материалы трудно точно датировать, но в целом их хронология ограничивается датами с памятников Новоселище-4 (3840±70, АА-13400) (Яншина, Клюев 2005) и Реттиховка-Геологическая (3390±55, СОАН-4239; 3310±45, СОАН-4240; 3280±45, СОАН-4238) (Коломиец и др. 2002а). А уже спустя несколько веков появляются классические памятники с керамикой чернятинского и суворовского типов (см. даты Новоселище-4: (Яншина, Клюев 2005; Сергушева 2022; Kuzmin 2013, а также весьма близкие к ним по материальной культуре анучинско-синегайские (см. даты Анучино-14: Sergusheva et al. 2021; Яншина, Клюев 2005; Синий Гай А: (Бродянский 1996).

В-третьих, в свете сказанного выше интересно, что орнаментальные элементы, специфические для памятников суворовского типа, также появляются ещё на керамике поздненеолитических стоянок. Так, арки и пояски горизонтальных линий часто встречаются на поздних разновидностях керамики вознесеновской культуры

(см.: Шевкомуд 2004: табл. 13, 18, 26, 31, 41, 46, 48), а арочные оттиски — на посуде раннего горизонта поселения Рудная Пристань, в том числе украшенной уже явно деградированной спиралью и верёвочными оттисками на венчиках, характерными опять же для поздних вознесеновских комплексов удильского и малогаванского типов (рис. 2). Возраст всех этих комплексов определяется в целом рубежом III и II тыс. до н.э. Даты по углю с удильских горизонтов стоянок Кольчем-2, 3, Голый мыс-5, Максим Горький: 4070±40, АА-60754 — 3760±70, ЛЕ-827; с малогаванских горизонтов стоянок Кольчем-3, Сучу, Голый мыс-1, Новотроицкое-12, Гончарка-1: 3695±65, СОАН-4113 — 3505±80, СОАН-48-71 (Шевкомуд, Кузьмин 2009: табл. 1); даты нижнего слоя ст. Рудная Пристань: 4130±40, ГИН-5980 — 4000±60, ГИН-5981 (Дьяков 1992)².

Каждая группа лидовских памятников имеет также свои специфические нюансы в пространственном распределении (Яншина, Клюев 2005; Сидоренко 2007). Но что важно подчеркнуть, в последние годы стали появляться данные, опровергающие тезис об их исключительно восточном ареале распространения.

Так, с каждым годом расширяется число комплексов чернятинского типа, и это заставляет думать, что западные и южные районы Приморья также входили в область распространения памятников лидовской группы — самой специфичной из всех, что принято относить к лидовской культуре и собственно к «эпохе бронзы» (или раннему палеометаллу). Хронология их, по-видимому, соотносится с первой половиной I тыс. до н.э.

Более того, недавние публикации показывают, что остальной инвентарь чернятинских комплексов очень близок, а по большому счёту идентичен материалам синхронной им анучинско-сингайской группы памятников раннего палеометалла (см. материалы Горного Хутора-11 и Черехаи-13:

² Амурские аналогии могли бы объяснить и присутствие антропоморфных фигурок амурского образца в лидовско-типевайских комплексах.

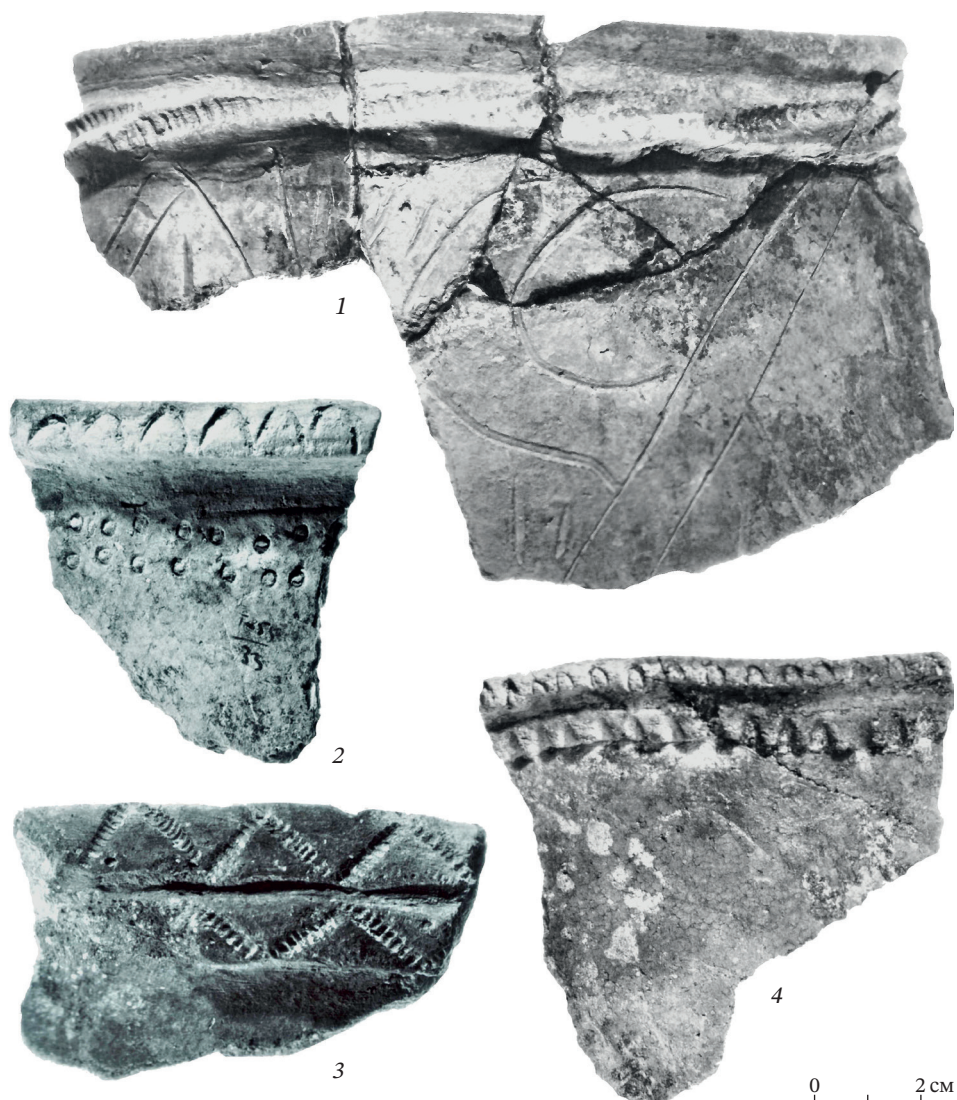

Рис. 2. Поздненеолитическая керамика поселения Рудная Пристань с амурскими/суворовско-тетюхинскими элементами в декоре (раскопки 1955 г., ДВАЭ)

Морева и др. 2017; Морева, Дорофеева 2020)³. Она имеет, как считается, исключительно западный ареал распространения, но весьма близка по некоторым особенностям керамической традиции к суворовско-тетюхинским памятникам

³ Надо отметить, что число западных и южных памятников с керамикой, имеющей аналогии в суворовско-тетюхинских и лидовско-типевайских памятниках, уже существенно выросло и их материалы сами нуждаются в сравнительном анализе, т.к. варьируют от памятника к памятнику. Например, на одних стоянках (Новосе-

Восточного Приморья. Это обстоятельство добавляет аргументы в пользу существования в раннем палеометалле Приморья единого культурного пласта, называемого анучинско-синегайско-лидовским, или синегайско-лидовским, для которого

лице-4, Чернятино-2, Новогордеевское селище, Шекляево-7) представлены только пояски из горизонтальных линий, на других — керамика с ногтевыми отпечатками и горизонтальными штрихами, больше соответствующая лидовско-типевайской группе (Горный Хутор-11), а где-то встречается и то, и другое (Черепиха-13).

характерны отощение части сосудов ракушкой, специфические формы сосудов либо без орнамента, либо с орнаментом только в зоне венчика и некоторые категории инвентаря (см.: Яншина 2004: 85—90).

То же можно сказать и о лидовско-янковской группе, которая связана с очень гетерогенным и мало исследованным пластом памятников, распространённых по всей территории Приморья и часто объединяемых в континентальный вариант янковской культуры.

ОХОТСКАЯ КУЛЬТУРА

История выделения охотской культуры в целом схожа с лидовской. Она была обособлена японскими исследователями на основании отличия её материалов от айнских и дзёмонских, а затем стало постепенно выясняться, что охотские ком-

плексы также разнородны. Обсуждение этого аспекта, однако, с самого начала пошло в несколько ином направлении, чем в случае с лидовской культурой. Если для лидовских памятников рассматривалась степень сходства комплексов, в целом синхронных или незначительно различающихся по времени, то проблема разнородности охотских памятников решалась главным образом за счёт отнесения их к разным этапам развития, что сильно понижало остроту вопроса (рис. 3), тем более что все памятники охотской культуры всегда рассматривались как генетически связанные.

Несмотря на это, проблема неоднородности охотской культуры всё же стоит и очень актуальна, так как из-за обозначенного выше подхода к её решению имеются большие сложности с установлением как отдельных культурных (или региональных) групп охотского населения,

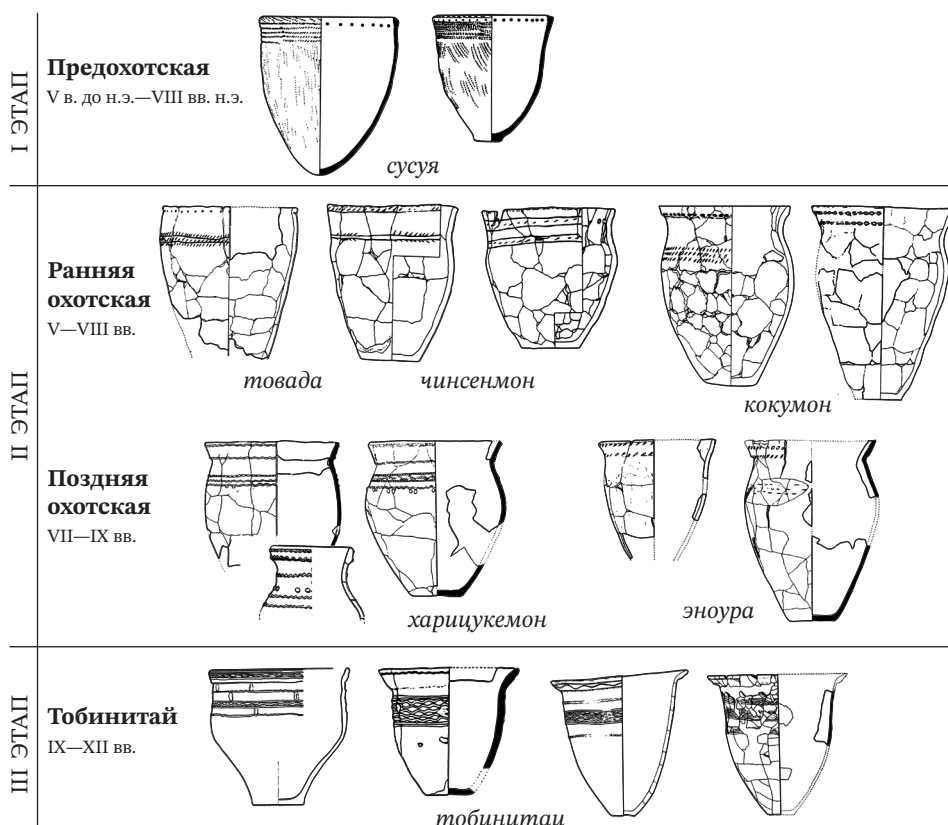

Рис. 3. Схема эволюции керамических традиций охотской культуры (Hiroshi Ushiro 1991)

так и конкретных признаков, которые их различают или объединяют, а также с пониманием культурных связей между этими группами на разных этапах развития культуры в целом. С этой точки зрения лидовская культура изучена намного лучше.

Здесь надо отметить, что охотская культура занимает по-настоящему огромный ареал, который включает в себя очень разные регионы — низовья Амура, Сахалин, Курилы, Хоккайдо и даже Охотское побережье. Изучение их древней истории ведётся представителями разных научных школ, разными методическими средствами и в основном разобщённо. Всё это создаёт для разработки обсуждаемого круга вопросов дополнительные трудности.

В основе классификации охотских памятников лежат керамические коллекции, но их анализом занимаются главным образом японские исследователи, которые имеют доступ либо к своим источникам, либо к сахалинским, полученным ещё в довоенные годы. В настоящий момент наиболее распространена схема, предложенная Хироси Уширой (Ushiro Hiroshi 1991, 1995) (рис. 3). В ней охотские комплексы разделены на три культурно-хронологические группы (= этапа): предохотскую (V в. до н.э. — V в. н.э.), охотскую (V—IX вв.) и тобинитай (IX—XII вв.). Близких взглядов придерживается и В.А. Дерюгин, но его схема дополнена сахалинскими и амурскими материалами, относящимися к позднему этапу (Дерюгин 2008а).

Первый этап приходится на эпоху палеометалла. Связанные с ним события происходили главным образом на Сахалине, из других территорий они затронули только крайнюю северо-западную оконечность Хоккайдо с прилегающими островами. На заре исследований охотской культуры к этому этапу относили комплексы с двумя основными разновидностями керамики — сусуя и эсутору (Тосиро Кумаки 2003), так как другие были неизвестны, однако сейчас российские исследователи выделяют для этого времени целое созвездие культурных групп — сусуйскую, анивскую, тымскую, набильскую, пильтунскую, большебухтинскую (см. обзоры: Дерюгин 2010; Василев-

ский, Грищенко 2012), соотношение которых нуждается в уточнении. На этом фоне особую актуальность приобретает вопрос, какие из них составили основу для формирования последующих, уже собственно охотских, комплексов, а какие нет. Соответственно, и тезис о генетической связи сахалинских комплексов данного этапа с собственно охотскими также требует ревизии.

Исходя из сложившихся ранее представлений, сегодня к предохотским должны быть отнесены сусуйские, набильские и, возможно, пильтунские комплексы, поскольку именно они соответствуют типам сусуя и эсутору. Их датировки в общих чертах приходится на довольно растянутый период времени, охватывающий всё I тыс. до н.э. вплоть до III—V вв. н.э. Самые поздние даты у сусуйских памятников, но их датировки наименее надёжны, так как в основном происходят из старых раскопок. Нельзя не отметить, что из нескольких десятков известных дат лишь немногие относятся к первым векам н.э., что не только указывает на относительное сокращение на Сахалине числа предохотских памятников накануне появления там собственно охотского населения, но и ставит вопрос, какие именно комплексы представляют охотскую культуру на Сахалине в первые века н.э.

На следующем этапе область распространения охотских памятников охватывает уже не только Сахалин, но и все северные и северо-восточные районы Хоккайдо, всю Курильскую дугу, приустьевую часть Амура, а также соседние прибрежные районы Японского и Охотского морей. Это была эпоха максимальной близости охотских комплексов и при этом максимально широкого их распространения. По мнению многих исследователей, их формирование происходило под постоянным давлением/влиянием средневековых материковых культур Приамурья, прежде всего мохэской (Дерюгин 2008: 16; Василевский 2002).

Разнообразие керамических комплексов этого этапа между тем очень велико, а степень их близости также вызывает вопросы. На первый взгляд, они распадаются как минимум на две очень нечёткие

группы. Одна из них отличается орнаментами, имеющими аналогии в более ранних домохэских комплексах на материке⁴ (товада, чинсэмон, харицукэмон), другая — в поздних польцевских, ольгинских и/или мохэских (кокумон-эноура).

Комплексы с керамикой типа товада некоторые исследователи относят к самостоятельной культуре (см. напр.: Дерюгин 2008а), хотя основания для этого не вполне понятны. Керамическая посуда действительно своеобразна и имеет более ранний облик, однако остальные составляющие культуры, по крайней мере на Хоккайдо, типично охотские (Ohyi Naryo 1975). Надо отметить, что эти комплексы имеют очень большое значение для всей охотской проблематики, поскольку они выступают единственным связующим звеном между предохотскими и собственно охотскими памятниками. При этом с предохотскими их объединяет фактически только один орнаментальный элемент — сквозные отверстия, или «жемчужины», под венчиком, которые вообще-то были распространены гораздо шире. Если их исключить, то между охотской керамикой и сусуйско-набильской не останется ничего общего.

Керамика типа чинсэмон выделена по материалам Хоккайдо, но она настолько многолика, что по опубликованным иллюстрациям вообще трудно понять, каковы её отличительные черты, кроме того, что в её декоре использовались прочерченные линии, но они также характерны и для керамики типа товады. Оба этих типа объединяет некоторая близость к орнаментам материковых культур раннего железного века. С янковской их сближает сочетание гладкого венчика и орнаментального бордюра в зоне плечиков, выполнение орнаментальных бордюров

⁴ В действительности домохэские материковые комплексы, относимые к янковской, урильской и польцевской культурам, имеют определённые параллели в синхронных им памятниках на территории Японского архипелага. Поэтому найти аналогии охотским комплексам с домохэскими принципами орнаментации посуды можно и в материалах культуры яёй, которые по понятным причинам известны нам гораздо хуже.

из прочерченных линий и оттисков, с более северными памятниками, в том числе амурскими, — орнаментация в зоне венчика и в основании горловины, сплошная орнаментация горловин. Неясно, есть ли керамика чинсэмон на Сахалине.

Комплексы с керамикой эноура и кокумон традиционно соотносят с влиянием мохэских культур Приамурья, и они составляют своего рода костяк охотской культуры. Именно эти комплексы оказались шире всего распространены, причём не только по островам, но и по прибрежным материковым районам. Высказывалось мнение, что именно они и должны приниматься собственно за охотскую культуру, с чем трудно не согласиться (Дерюгин 2008а).

На позднем этапе начинается распад охотской культуры. На её месте формируются регионально специфические сообщества, обозначить которые на основании доступных материалов пока сложно. По мнению японских археологов, это время, когда доминирующее положение на Хоккайдо стала занимать культура сацумон, под чьим влиянием на востоке и северо-востоке острова, а также на юге Курил стала складываться синкретичная культура тобинитай, соединяющая черты охотской культуры и культуры сацумон.

Для тобинитай была характерна очень необычная техника орнаментации — в виде тонких, плоских в сечении валиков, часто называемых «лапшой», но она же отличает и керамическую посуду типа харицукэмон, которая в японской классификации входит в охотскую группу. Кстати, орнаментальные стереотипы последней были очень далеки от мохэских и скорее напоминают керамическую посуду польцевской культуры Приамурья.

На Сахалине и в устье Амура в это время возникает ряд традиций, непохожих как друг на друга, так и на хоккайдские памятники (например, тэбах и минамикайдзука), но всё же их посуда имеет объединяющий фигурно-штамповый декор (Копытько 1989; Дерюгин 1998, 2002; Усуки Исао 2003). Сахалин на этом этапе уже сильно отдаляется от Хоккайдо.

В целом нужно отметить, что ситуация с систематизацией памятников

охотской культуры гораздо более сложная, чем в случае с лидовской культурой, и находится гораздо дальше от приемлемого варианта её разрешения, и не только потому, что их материалы известны хуже, но и потому, что между отдельными их группами можно провести связующие ниточки, а это мешает строгому разделению охотской культуры на дискретные группы.

Если всё-таки попытаться сделать такое разделение, соблюдая принцип обязательного наличия у памятников одной группы объединяющих черт, то в целом таких групп намечается пять: сусуйско-набильская (1), товада-чинсэмон (2), охотская, включающая комплексы с керамикой типа эноура и кокумон (3), харицукэмон-тобинитай (4) и группа с керамикой, украшенной с использованием фигурных штампов, это минами-кайдзука, хигаси-тарайка и тэбах (5). За исключением первой группы, где можно добавить иные черты, остальные различаются наиболее общими паттернами декоративной традиции, хотя при более детальном исследовании список объединяющих и различающих признаков можно будет дополнить⁵.

В ПОИСКАХ ЕДИНСТВА

Рассмотрим далее, есть ли у нас основания объединять под одним знаменателем всё разнообразие лидовских и охотских памятников и какие именно, и начнём мы с охотских.

Особенность охотской культуры в том, что на её осколках в островном мире северо-тихоокеанского бассейна сложилось сразу несколько уникальных и совершенно отличных по языку, культуре и антропометрическим характеристикам народов — айны, нивхи, коряки и некоторые группы тунгусо-маньчжуров. Поэтому идея о необходимости разделить охотскую культуру на несколько отдельных выглядит привлекательной и находит поддержку в свете последующей этнокультурной истории региона. Однако есть и такие наблюдения, которые можно интерпретировать в пользу сохранения её единства. Их, по большому счёту, всего два.

Во-первых, охотская культура возникла на границе с двумя мощными конгломератами культур и противостояла им как нечто цельное, несмотря на все внутренние различия.

Так, с одной стороны, на юге она соседствовала с потомками дзёмонского населе-

Таблица 2

Группы памятников охотской культуры, объединяемые общими чертами

Группы	Объединяющие черты
Сусуйско-набильская	- Формы сосудов (без горловины) - Бордюрный орнамент из горизонтальных линий у устья - «Жемчужный» орнамент или сквозные проколы под венчиком
Товада-чинсэмон	- Орнамент, близкий к домохэским культурам Приморья и Приамурья, — прочерченные линии в сочетании с оттисками и наколами
Охотская	- Орнаменты, близкие к поздним польцевским и мохэским культурам Приморья и Приамурья, техника орнаментации — наколы
Харицукэмон-тобинитай	- Орнамент, близкий к домохэским культурам Приморья и Приамурья, — прочерченные линии в сочетании с оттисками и наколами, техника исполнения узора — валики-«лапша»
Минами-кайдзука Хигаси-тарайка Тэбах	- Использование фигурных штампов в орнаменте

⁵ Эти группы, конечно же, не являются ни отдельными культурами, ни заявкой на их

выделение, мы просто показываем меру разнородности охотских комплексов.

ния. В дальнейшем, как мы знаем, на их месте возникают сначала культура сацу-мон и уже на её основе — культура айнов. Несмотря на контакты и даже некоторое взаимопроникновение традиций, обособленность этих двух культурных миров друг от друга не вызывает ни у кого сомнений. С другой стороны, на западе охотцам противостояли средневековые маньчжурские группы населения — польцевцы, мохэсцы, бохайцы, чжурчжэни и т.п. Однако неясно, как далеко на северо-восток доходили области их постоянного проживания, а потому граница с ними выглядит пока размытой. Проходила ли она по территории Сахалина, Татарскому проливу или прибрежным материковым районам Хабаровского края, не вполне понятно.

Как мы знаем, в историческое время тунгусо-маньчжурские группы населения обитали и на Сахалине, но когда они туда проникли, мы достоверно не знаем. В палеолите и на протяжении почти всего неолита жители Сахалина по культуре очень сильно отличались от жителей Приамурья и Приморья. Ситуация стала меняться только в конце неолита с появлением на Амуре и Сахалине примерно 5000—4500 л.н. носителей белькачинской культуры, а также с формированием примерно 4500—4000 л.н. по обеим сторонам Татарского пролива общих комплексов, объединивших традиции имчинской, вознесенской и белькачинской культур (Яншина 2017, 2018). И произошло это, по-видимому, за счёт экспансии сахалинского населения в низовья Амура, а не наоборот (Шевкомуд 2004: 138; 2015).

По крайней мере с рубежа неолита и палеометалла мы наблюдаем признаки смещения на материк культурной границы, разделявшей Сахалин и Амур и ранее проходившей условно по Татарскому проливу. Приустьевые участки Амурской долины как минимум с конца неолита выглядят обособленными от более западных её районов, а в эпоху раннего палеометалла эта граница становится особенно заметной (Яншина 2013), в том числе благодаря возникновению там весьма своеобразных комплексов, идентичных северо-сахалинским (к примеру, памятни-

ки большебухтинского типа, типа коппи и др.). Поэтому нет никаких оснований полагать, что в эпоху формирования охотской культуры на Сахалине проживали прямые выходцы из среды тунгусо-маньчжурских земледельцев.

Таким образом, очевидно, что в результате такого соседства охотское население оказывается противопоставлено и протоайнскому, и как минимум части прототунгусо-маньчжурского населения, и с этой точки зрения сохранение общеохотского термина выглядит необходимым, прежде всего для обозначения обособленного статуса охотцев.

Во-вторых, охотская культура была связана с формированием прибрежного морского хозяйства (Befu, Chard 1964), и в течение длительного времени именно это являлось главным фокусом в её изучении и главным аргументом в пользу собирательного подхода к её выделению и пониманию (Василевский 2005). Даже если внутри охотского конгломерата имелись серьёзные вариации хозяйственного уклада, обусловленные спецификой экологических обстановок или культурных традиций, наличие морского хозяйства — важный аспект, поскольку противостоящие протоайнский и прототунгусо-маньчжурский субстраты были явно земледельческими.

Более того, различные группы охотского населения объединяет и некоторая общность культуры — общие типы жилищ, схожие формы орудий труда, украшений, искусства, на фоне чего столь разительные различия в керамических коллекциях выглядят менее значительными и отражающими скорее торгово-обменные или брачные связи.

Практически все аргументы, которые могут быть найдены в пользу сохранения общеохотского термина, в отношении лидовской культуры оказываются неприменимы. Ареал, занимаемый её памятниками, в историческое время осваивался несколькими народами тунгусо-маньчжурской группы, столь близкими друг к другу и в антропологическом, и в хозяйственно-культурном отношении, что обнаружение в древности следов каждого из них в от-

дельности представляется сегодня крайне маловероятным. Это как будто должно указывать на обоснованность восприятия лидовских памятников в качестве единого феномена. Поэтому рассмотрим, что же в действительности их объединяет.

К сожалению, убедительных данных об антропологических, хозяйственных или каких-то иных особенностях отдельных групп лидовской культуры у нас пока просто нет, за исключением их керамических и отчасти орудийных коллекций. С учётом этого мы вынуждены констатировать, что по большому счёту лидовские памятники можно объединить только по территориальному принципу, поскольку они занимают довольно узкий и специфический ареал, и уже на этой основе противопоставить их как нечто целое памятникам остальных районов Приморья, с которыми их, однако, так или иначе связывают прочные неразрывные нити.

Специфика лидовских памятников по сравнению с западными и южными синхронными им комплексами Приморья просматривается весьма отчётливо, однако общих черт всё же тоже очень много. Какой пласт ни возьми, более ранний, с каменными орудиями неолитоидного облика и гладкостенными сосудами, украшенными вдоль венчиков разными узорами, или более поздний, со шлифованными каменными орудиями и сосудами, украшенными налепными валиками, лидовские памятники не выпадают из общеприморской палитры культур. Это позволяет считать, что лидовское население было её органической частью. Чем же тогда обусловлено их своеобразие? Что это за нити связывают их — контакты или общее происхождение?

С самого начала археологических исследований в Приморье события местной культурной истории ассоциировались исследователями с влиянием культур более западных: начиная с момента первоначального заселения и заканчивая появлением средневековых государств. Данный стереотип присущ и интерпретации памятников Восточного Сихотэ-Алиня, который всегда рассматривался как своего рода анклав, куда стекались остатки насе-

ления от различных миграционных волн, не удержавшихся по разным причинам на более благоприятных южных и западных территориях. Соответственно, специфика попавших в этот анклав культур логично объяснялась адаптацией и отчасти изоляцией.

Нетрудно заметить, что данная ситуация принципиально иная по сравнению с охотской культурой, поскольку в свете этого стереотипа памятники восточного Приморья воспринимаются в лучшем случае как локальные и/или хронологические варианты археологических культур, бытовавших в его западных и южных районах, а не как совершенно особый, принципиально отличающийся происхождением культурный пласт, как в охотском случае. Таким образом, получается, что лидовские памятники можно противопоставить остальным памятникам Приморья, а следовательно и объединить их, только на основании территориально-хронологического принципа.

Интересно, что этот подход к систематизации, который можно назвать геохронологическим, в последние годы обозначился вполне отчётливо, настолько, что уже можно считать его неким новым явлением в нашей науке. Произрастает он из работ специалистов-смежников: генетиков, антропологов, палеоантропологов, палеоботаников и т.п. — одним словом, всех тех, кто вынужден работать с археологическими материалами, но не имеет возможности разобраться в наших спорах относительно места в археологической систематике тех или иных памятников. Это своего рода упрощение, к которому они вынуждены прибегать, но это упрощение, которое позволяет им двигаться вперёд.

Примерно такой же смысл видится и в сохранении общелидовской терминологии по отношению к лидовским памятникам разного облика. Мы можем упрощённо рассматривать их как некую геохронологическую единицу либо пока не найдём какие-то дополнительные аргументы в пользу того или иного варианта культурной интерпретации их отдельных групп, либо пока обсуждаем вопросы, для которых эта культурная интерпретация

не играет существенной роли. Например, обнаружение металла или культурных растений в отдалённых районах Сихотэ-Алиня в эпоху палеометалла представляет интерес само по себе, независимо от того, с какой культурной группой и через какие каналы они туда проникли. Но если речь заходит именно об этих последних вопросах, то тут, конечно, нивелирование внутрилидовских различий может сыграть роковую для выводов роль.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в чём же смысл сохранения общей терминологии для памятников лидовской и охотской археологических культур и есть ли он? Наш обзор показывает, что с этой точки зрения их материалы различны и ведут к разным выводам.

С одной стороны, мы имеем разношёрстные охотские памятники, за которыми, однако, стоит население, противостоящее и в культурном, и в хозяйственном, и, скорее всего, в лингвистическом отношении как протоайнскому населению на юге, так и тунгусо-маньчжурскому на западе. И это то, что даёт нам некоторые основания для сохранения собирательного общеохотского термина, а также для того, чтобы всерьёз ставить вопрос о возможном единстве населения, оставившего нам все охотские памятники, пусть даже распавшегося в дальнейшем. В данном случае термин «охотская культура» может выступать и как своего рода коррелят этно-лингвистической терминологии, использующейся по отношению к предполагаемым предкам народов,

известных нам по историческим хроникам, и как отражение общности, основанной на сходном хозяйственно-культурном типе.

С другой стороны, мы имеем столь же разнородные лидовские памятники, за большинством из которых, как выясняется, стоит то же население, что обитало и на остальных территориях Приморья, но в силу разных обстоятельств было вытеснено на его восточное побережье. На этом фоне их обособление в отдельную культуру может иметь только локальное или локально-хронологическое обоснование. Это значит, что лидовская культура пока может существовать лишь как территориально-хронологическая единица систематизации. Однако и такой подход вызывает вопросы и сомнения на фоне западных и южных аналогий её памятникам, становящихся всё более очевидными.

Отказ от признания и обсуждения причин внутренних различий этой культуры в конечном счёте делает невозможной реконструкцию реальных культурно-исторических процессов в Приморье. На мой взгляд, правильно будет сохранить понятие лидовской культуры только за комплексами собственно лидовской группы во всём их разнообразии, а маргаритовскую и лидовско-янковскую рассматривать как автономные явления.

И наконец, из нашего обзора мы видим, что вопрос о том, какая объективная реальность скрывается за внутренне неоднородными археологическими мегакультурами, не имеет общего ответа и требует в каждом случае отдельного детального анализа.

ЛИТЕРАТУРА

- Алкин, С.В. 2010. Лидовская культура. *Большая российская энциклопедия*. М. Т. 17: 457.
- Бродянский, Д.Л. 1996. Культурная многолинейность и хронологические параллели (по материалам археологии Приморья). *Записки Общества изучения Амурского края*. Т. 29: 12—22.
- Василевский, А.А. 2002. Памятники эпидзёмона на Сахалине. *Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending. Japan and Russian Cooperative Symposium*. Sapporo: The Hokkaido University Museum: 1—14.

- Василевский, А.А. 2005. Парадокс охотской культуры — прощание с великой легендой. *Динамизм людей, вещей и технологий на Северо-Востоке Азии в средние века*: Материалы междунар. симпоз. Токио. Т. 1: 67—76.
- Василевский, А.А., Грищенко, В.А. 2012. Сахалин и Курильские острова в эпоху палеометалла (I тыс. до н.э. — первая половина I тыс. н.э.). *Учёные записки Сахалинского государственного университета*. Вып. 9: 289—341.
- Гарковик, А.В. 1980. Памятники III—II тыс. до н.э. в Приморье. Полный научный отчёт. *Архив ИИАЭ ДВО РАН*. Ф. 1. Оп. 2. Д. 151.
- Дерюгин, В.А. 1998. Керамика «тэбахского типа». Предварительная классификация и периодизация. *Россия и АТР*. № 2: 71—80.
- Дерюгин, В.А. 2002. Охотоморская культурная общность? (Эпизод первый). *Записки Гродековского музея*. Вып. 3: 53—65.
- Дерюгин, В.А. 2008. К вопросу этнической интерпретации археологических культур Приамурья и Охотоморья. *Учёные записки Сахалинского государственного университета*. № 7: 16—25.
- Дерюгин, В.А. 2008а. К вопросу определения понятия «охотская культура». *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 1: 58—66.
- Дерюгин, В.А. 2010. Керамика тымского типа и вопросы периодизации керамических комплексов эпохи палеометалла Сахалина. *Приоткрывая завесу тысячелетий. К 80-летию Ж.В. Андреевой*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН: 246—258.
- Дерюгин, В.А. 2018. Керамика из случайных сборов в устье реки Коппи (Татарский пролив). *Мультидисциплинарные исследования в археологии*. № 2: 151—160.
- Дьяков, В.И. 1989. *Приморье в эпоху бронзы*. Владивосток: ДВГУ.
- Дьяков, В.И. 1992. *Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья*. Владивосток: Дальнаука.
- Жущиховская, И.С., Никитин, Е.Ю. 2019. Новая гончарная традиция на памятниках янковской культуры периода палеометалла в Приморье. *Российская археология*. № 2: 35—49.
- Коломиец, С.А., Афремов, П.Я., Дорофеева, Н.А. 2002. Итоги полевых исследований памятника Глазовка-городище. *Археология и культурная антропология Дальнего Востока*. Владивосток: ДВО РАН: 142—155.
- Коломиец, С.А., Батаршев, С.В., Крутых, Е.Б. 2002а. Поселение Реттиховка-геологическая (хронология, культурная принадлежность). *Археология и культурная антропология Дальнего Востока*. Владивосток: ДВО РАН: 90—101.
- Копытько, В.Н. 1989. Тебаховская культура (некоторые результаты исследований). *Проблемы изучения памятников каменного века и палеометалла Дальнего Востока и Сибири*. Владивосток: ИИАЭ ДВО АН СССР: 24—28.
- Крупянюк, А.А., Табаров, А.В. 2001. *Археологические комплексы эпохи камня в Восточном Приморье*. Новосибирск: Сиб. университетское изд-во.
- Кумаки Тосиро 2003. К вопросу о периодизации керамики типов сусуя и эсутору в предохотской культуре Сахалина и Хоккайдо. *Амуро-охотоморский регион в эпоху палеометалла и средневековья*. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова: 47—66.
- Малков, С.С. 2017. Структура многокомпонентного поселения Черепаша-13 в Приморье: к проблеме заселения человеком побережья залива Петра Великого в древности и средневековье. *Общество: Философия, история, культура*. № 1: 89—91.
- Морева, О.Л., Дорофеева, Н.А. 2020. Комплекс эпохи раннего палеометалла на поселении Черепаша-13 в Южном Приморье. *Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. Т. 26: 98—116.
- Морева, О.Л., Дорофеева, Н.А., Рольгейзер, Е.В., Малков, С.С. 2017. Культурно-хронологические комплексы поселения Горный Хутор-11 в Черниговском районе Приморского края. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 12. Ч. 2: 138—145.

- Никитин, Ю.Г. 2022. Памятники эпохи палеометалла в долине р. Раздольной. *Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. Т. 35: 76—101.
- Сергушева, Е.А. 2022. Использование растений населением Приморья в раннем палеометалле (по археоботаническим и археологическим данным). *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. № 2: 101—112.
- Сидоренко, Е.В. 2007. *Северо-восточное Приморье в эпоху палеометалла*. Владивосток: Дальнаука.
- Усуки Исао 2003. Охотская и тэбахская культуры. *Амуру-охотоморский регион в эпоху палеометалла и средневековья*. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова: 77—88.
- Шевкомуд, И.Я. 2004. *Поздний неолит Нижнего Амура*. Владивосток: ДВО РАН.
- Шевкомуд, И.Я. 2015. Неолит — палеометалл в Нижнем Приамурье. Концепция палеоэтнокультурного развития. *Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития*: Материалы регион. науч. конф. (Владивосток, 18—20 ноября 2013 г.). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН: 140—176.
- Шевкомуд, И.Я., Кузьмин, Я.В. 2009. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России). *Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии*. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова: 7—46.
- Яншина, О.В. 2004. *Проблема выделения бронзового века в Приморье*. СПб.: МАЭ РАН.
- Яншина, О.В. 2013. Эпоха палеометалла в Приамурье: проблемы и перспективы исследований. *Российский археологический ежегодник*. № 3: 289—340.
- Яншина, О.В. 2017. Культурные связи Сахалина в эпоху неолита. *Комплексные исследования островных обществ Дальнего Востока*: сб. материалов. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН. Вып. 1: 31—46.
- Яншина, О.В. 2018. Керамика поселения Имчин-2 и некоторые проблемы изучения имчинской культуры. *Мультидисциплинарные исследования в археологии*. № 1: 40—58.
- Яншина, О.В., Ключев, Н.А. 2005. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов. *Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы*. Владивосток: Дальнаука: 187—233.
- Befu, H., Chard, C. 1964. A Prehistoric Maritime Culture of the Okhotsk Sea. *American Antiquity*. Vol. 30. Iss. 1: 1—18.
- Kuzmin, Ya.V. 2013. The Beginnings of Prehistoric Agriculture in the Russian Far East: Current Evidence and Concepts. *Documenta Praehistorica*. Vol. 40: 1—13.
- Ohyi Haruo 1975. The Okhotsk Culture, a Maritime Culture of the Southern Okhotsk Sea Region. *Prehistoric Maritime Adaptations of the Circumpolar Zone*. The Hague: Mouton Publishers: 123—158.
- Popov, A.N., Zhushchikhovskaya, I.S., Nikitin, Yu.G. 2019. Paleometal Epoch in the Primorye (South of the Far East of Russia). *World Archaeology*. vol. 51. Iss. 3: 382—407.
- Sergusheva, E.A., Leipe, C., Klyuev, N.A., Batarshv, S.V., Garkovik, A.V., Dorofeeva, N.A., Kolomiets, S.A., Krutykh, E.B., Malkov, S.S., Moreva, O.L., Sleptsov, I.Y., Hosner, D., Wagner, M., Tarasov, P.E. 2021. Evidence of Millet and Millet Agriculture in the Far East Region of Russia Derived from Archaeobotanical Data and Radiocarbon Dating. *Quaternary International*. Vol. 263: 50—67.
- Ushiro Hiroshi 1991. Chronological Problems of the Okhotsk Culture. *The Annual Report of the Historical Museum of Hokkaido*. Vol. 19: 23—52.
- Ushiro Hiroshi 1995. Chronological Correlation Concerned to the Okhotsk Culture. *Final Reports on "Research Project of the Historical and Cultural Exchange of the North"*. Sapporo: Historical Museum of Hokkaido: 45—64.

REFERENCES

- Alkin, S.V. 2010. Lidovskaya kul'tura [Lidovskaya Culture]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Moscow, vol. 17: 457. (In Russ.)
- Brodyanskiy, D.L. 1996. Kul'turnaya mnogolineynost' i khronologicheskie paralleli (po materialam arkheologii Primor'ya) [Cultural Multilinearity and Chronological Parallel's (Based on Archaeological Materials of Prymorye)]. *Zapiski Obshchestva izucheniya Amurskogo kraya*, vol. 29: 12—22. (In Russ.)
- Vasilevskiy, A.A. 2002. Pamyatniki epidzemona na Sakhaline [Epi-jomon Sites on Sakhalin]. *Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending. Japan and Russian Cooperative Symposium*. Sapporo, The Hokkaido University Museum Publ.: 1—14. (In Russ.)
- Vasilevskiy, A.A. 2005. Paradoks okhotskoy kul'tury — proshchanie s velikoy legendoy [The Paradox of Okhotsk Culture — the Farewell to a Great Legend]. *Dinamizm lyudey, veshchey i tekhnologii na Severo-Vostoke Azii v srednie veka: Materialy mezhdunar. simpoz. [Movement in Medieval North-East Asia: People, Material, Goods, Technology: Proceedings of International Simp.]*. Tokyo, vol. 1: 67—76. (In Russ.)
- Vasilevskiy, A.A., Grishchenko, V.A. 2012. Sakhalin i Kuril'skie ostrova v epokhu paleometalla (I tys. do n.e. — pervaya polovina I tys. n.e.) [Sakhalin and the Kuril Islands in the Early Metal Epoch (I Thousand BC — the First Half of 2nd Thousand AD)]. *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta*, iss. 9: 289—341. (In Russ.)
- Garkovik, A.V. 1980. Pamyatniki III—II tys. do n.e. v Primor'e. Polnyy nauchnyy otchet [The report about of the Primorye archaeological sites of the III—II millennium]. *Arkhiv IIAE DVO RAN*, f. 1, op. 2, d. 151. (In Russ.)
- Deryugin, V.A. 1998. Keramika «tebakhskogo tipa». Predvaritel'naya klassifikatsiya i periodizatsiya [Ceramics of the “Tebakh Type”. Preliminary Classification and Periodization]. *Rossiya i ATR*, no. 2: 71—80. (In Russ.)
- Deryugin, V.A. 2002. Okhotomorskaya kul'turnaya obshchnost'? (Epizod pervyy) [Okhotsk Sea Cultural Community? (Episode One)]. *Zapiski Grodekovskogo muzeya*, iss. 3: 53—65. (In Russ.)
- Deryugin, V.A. 2008. K voprosu etnicheskoy interpretatsii arkheologicheskikh kul'tur Priamur'ya i Okhotomor'ya [On the Issue of Ethnic Interpretation of Archaeological Cultures of the Amur Region and the Sea of Okhotsk]. *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7: 16—25. (In Russ.)
- Deryugin, V.A. 2008a. K voprosu opredeleniya ponyatiya «okhotskaya kul'tura» [On the Issue of Defining the Concept of “Okhotsk Culture”]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, no. 1: 58—66. (In Russ.)
- Deryugin, V.A. 2010. Keramika tymskogo tipa i voprosy periodizatsii keramicheskikh kompleksov epokhi paleometalla Sakhalina [Tym Type Ceramics and Issues of Periodization of Ceramic Complexes of the Early Metal Period of Sakhalin]. *Priotkryvaya zavesu tysyacheletiy. K 80-letiyu Zh.V. Andreevoy* [Lifting the Curtain of Millennia. On the 80th Anniversary of Zh.V. Andreeva]. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ.: 246—258. (In Russ.)
- Deryugin, V.A. 2018. Keramika iz sluchaynykh sborov v ust'e reki Koppi (Tatarskiy proliv) [Ceramics from Random Collections at the Mouth of the Koppi River (Tatar Strait)]. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, no. 2: 151—160. (In Russ.)
- D'yakov, V.I. 1989. *Primor'e v epokhu bronzy* [Primorye in the Bronze Age.]. Vladivostok, DVGU Publ. (In Russ.)
- D'yakov, V.I. 1992. *Mnogosloynoe poselenie Rudnaya Pristan' i periodizatsiya neoliticheskikh kul'tur Primor'ya* [The Multilayered Settlement of Rudnaya Pristan' and the Periodization of the Neolithic Cultures of Primorye]. Vladivostok, Dal'nauka Publ. (In Russ.)
- Zhushchikhovskaya, I.S., Nikitin, E.Yu. 2019. Novaya goncharnaya traditsiya na pamyatnikakh yankovskoy kul'tury perioda paleometalla v Primor'e [New Pottery Tradition at the Sites of the Yankovskaya Culture of the Early Metal Period in Primorye]. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 2: 35—49. (In Russ.)

- Kolomiets, S.A., Afremov, P.Ya., Dorofeeva, N.A. 2002. Itogi polevykh issledovaniy pamyatnika Glazovka-gorodishche [Results of Field Research of the Glazovka-gorodishche Site]. *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka* [Archaeology and Cultural Anthropology of the Far East]. Vladivostok, DVO RAN Publ.: 142—155. (In Russ.)
- Kolomiets, S.A., Batarshev, S.V., Krutykh, E.B. 2002a. Poselenie Rettikhovka-geologicheskaya (khronologiya, kul'turnaya prinadlezhnost') [Settlement Rettihovka-geological (Chronology, Cultural Affiliation)]. *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka* [Archaeology and Cultural Anthropology of the Far East]. Vladivostok, DVO RAN Publ.: 90—101. (In Russ.)
- Kopyt'ko, V.N. 1989. Tebakhovskaya kul'tura (nekotorye rezul'taty issledovaniy) [Tebakhov Culture (Some Research Results)]. *Problemy izucheniya pamyatnikov kamennogo veka i paleometalla Dal'nego Vostoka i Sibiri* [Problems of Studying the Stone Age and Early Metal Sites of the Far East and Siberia]. Vladivostok, IIAE DVO AN SSSR Publ.: 24—28. (In Russ.)
- Krupyanko, A.A., Tabarev, A.V. 2001. *Arkheologicheskie komplekсы epokhi kamnya v Vostochnom Primor'e* [Archaeological Complexes of the Stone Age in the Eastern Primorye]. Novosibirsk, Sib. universitetskoe izd-vo Publ. (In Russ.)
- Kumaki Toshiro 2003. K voprosu o periodizatsii keramiki tipov susuya i esutora v predokhotskoy kul'ture Sakhalina i Khokkaydo [On the Issue of Periodization of Ceramics of the Susuya and Esutora Types in the Pre-Okhotsk Culture of Sakhalin and Hokkaido]. *Amuro-okhotomorskiy region v epokhu paleometalla i srednevekov'ya* [The Amur-Okhotsk Region in the Early Metal and Middle Ages]. Khabarovsk, Khabarovskiy kraevoy muzey im. N.I. Grodekova Publ.: 47—66. (In Russ.)
- Malkov, S.S. 2017. Struktura mnogokomponentnogo poseleniya Cherepakha-13 v Primor'e: k probleme zaseleniya chelovekom poberezh'ya zaliva Petra Velikogo v drevnosti i srednevekov'e [The Structure of the Multi-component Settlement of Cherepakha-13 in Primorye: On the Problem of Human Settlement of the Coast of Peter the Great Bay in Ancient Times and the Middle Ages]. *Obshchestvo: Filosofiya, istoriya, kul'tura*, no. 1: 89—91. (In Russ.)
- Moreva, O.L., Dorofeeva, N.A. 2020. Kompleks epokhi rannego paleometalla na poselenii Cherepakha-13 v Yuzhnom Primor'e [Early Metal Complex at the Cherepakha-13 Settlement in Southern Primorye]. *Trydy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, vol. 26: 98—116. (In Russ.)
- Moreva, O.L., Dorofeeva, N.A., Rol'geyzer, E.V., Malkov, S.S. 2017. Kul'turno-khronologicheskie komplekсы poselniya Gornyy Khutor-11 v Chernigovskom rayone Primorskogo kraya [Cultural and Chronological Complexes of the Settlement of Gorny Khutor-11 in the Chernigov District of Primorsky Region]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12, ch. 2: 138—145. (In Russ.)
- Nikitin, Yu.G. 2022. Pamyatniki epokhi paleometalla v doline reki Razdol'noy [The Early Metal Sites along the Razdolnaya River]. *Trydy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, vol. 35: 76—101. (In Russ.)
- Sergusheva, E.A. 2022. Ispol'zovanie rasteniy naseleniem Primor'ya v rannem paleometalle (po arkhеobotanicheskim i arkhеologicheskim dannym) [Use of Plants by the Population of Primorye in the Early Metal Period (According to Archaeobotanical and Archaeological Data)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 2: 101—112. (In Russ.)
- Sidorenko, E.V. 2007. *Severo-vostochnoe Primor'e v epokhu paleometalla* [North-Eastern Primorye in the Early Metal Epoch]. Vladivostok, Dal'nauka Publ. (In Russ.)
- Usuki Isao 2003. Okhotskaya i tebakhskaya kul'tury [Okhotsk and Tebakh Cultures]. *Amuro-okhotomorskiy region v epokhu paleometalla i srednevekov'ya* [The Amur-Okhotsk Region in the Early Metal and Middle Ages]. Khabarovsk, Khabarovskiy kraevoy muzey im. N.I. Grodekova Publ.: 77—88. (In Russ.)
- Shevkomud, I.Ya. 2004. *Pozdnyy neolit Nizhnego Amura* [Late Neolithic of the Lower Amur River Region]. Vladivostok, DVO RAN Publ. (In Russ.)

- Shevkomud, I.Ya. 2015. Neolit — Paleometall v Nizhnem Priamur'e. Kontseptsiya paleoetnokul'turnogo razvitiya [Neolithic — Paleometal in the Lower Amur Region. Concept of Paleoethnocultural Development]. *Pervobytnaya arkheologiya Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnykh territoriy Vostochnoy Azii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: Materialy region. nauch. konf. (Vladivostok, 18—20 noyabrya 2013 g.)* [Prehistoric Archaeology of the Russian Far East and East Asia Adjacent Territories: Modern State of Research and Prospects: Materials of Regional Scientific Conference (Vladivostok, 18—20 November 2013)]. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ.: 140—176. (In Russ.)
- Shevkomud, I.Ya., Kuz'min, Ya.V. 2009. Khronologiya kamennogo veka Nizhnego Priamur'ya (Dal'niy Vostok Rossii) [Chronology of the Stone Age of the Lower Amur Region (Russian Far East)]. *Kul'turnaya khronologiya i drugie problemy v issledovaniyakh drevnostey vostoka Azii* [Cultural Chronology and Other Problems in the Study of East Asian Antiquities]. Khabarovsk, Khabarovskiy kraevoy muzey im. N.I. Grodekova Publ.: 7—46. (In Russ.)
- Yanshina, O.V. 2004. *Problema vydeleniya bronzovogo veka v Primor'e* [The Problem of Identifying the Bronze Age in Primorye]. Saint Petersburg, MAE RAN Publ. (In Russ.)
- Yanshina, O.V. 2013. Epokha paleometalla v Priamur'e: problemy i perspektivy issledovaniya [The Early Metal Epoch in the Amur River Region: Research Problems and Prospects]. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik*, no. 3: 289—340. (In Russ.)
- Yanshina, O.V. 2017. Kul'turnye svyazi Sakhalina v epokhu neolita [Cultural Links of Sakhalin in the Neolithic]. *Kompleksnye issledovaniya ostrovnykh obshchestv Dal'nego Vostoka: sb. materialov* [Comprehensive studies of the Far East island societies: a collection of materials]. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., iss. 1: 31—46. (In Russ.)
- Yanshina, O.V. 2018. Keramika poseleniya Imchin-2 i nekotorye problemy izucheniya imchinskoy kul'tury [Ceramics of the Imchin-2 Settlement and Some Problems of Studying the Imchin Culture]. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, no. 1: 40—58. (In Russ.)
- Yanshina, O.V., Klyuev, N.A. 2005. Pozdnyy neolit i ranniy paleometall Primor'ya: kriterii vydeleniya i kharakteristika arkheologicheskikh kompleksov [Late Neolithic and Early Metal of Primorye: Criteria for Identifying and Characterizing Archaeological Complexes]. *Rossiyskiy Dal'niy Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy* [Russian Far East in Ancient Times and the Middle Ages: Discoveries, Problems, Hypotheses]. Vladivostok, Dal'nauka Publ.: 187—233. (In Russ.)
- Befu, H., Chard, C. 1964. A Prehistoric Maritime Culture of the Okhotsk Sea. *American Antiquity*, vol. 30, iss. 1: 1—18. (In Eng.)
- Kuzmin, Ya.V. 2013. The Beginnings of Prehistoric Agriculture in the Russian Far East: Current Evidence and Concepts. *Documenta Praehistorica*, vol. 40: 1—13. (In Eng.)
- Ohyi Haruo 1975. The Okhotsk Culture, a Maritime Culture of the Southern Okhotsk Sea Region. *Prehistoric Maritime Adaptations of the Circumpolar Zone*. The Hague, Mouton Publishers: 123—158. (In Eng.)
- Popov, A.N., Zhushchikovskaya, I.S., Nikitin, Yu.G. 2019. Paleometal Epoch in the Primorye (South of the Far East of Russia). *World Archaeology*, vol. 51, iss. 3: 382—407. (In Eng.)
- Sergusheva, E.A., Leipe, C., Klyuev, N.A., Batarshch, S.V., Garkovik, A.V., Dorofeeva, N.A., Kolomiets, S.A., Krutykh, E.B., Malkov, S.S., Moreva, O.L., Sleptsov, I.Y., Hosner, D., Wagner, M., Tarasov, P.E. 2021. Evidence of Millet and Millet Agriculture in the Far East Region of Russia Derived from Archaeobotanical Data and Radiocarbon Dating. *Quaternary International*, vol. 263: 50—67. (In Eng.)
- Ushiro Hiroshi 1991. Chronological Problems of the Okhotsk Culture. *The Annual Report of the Historical Museum of Hokkaido*, vol. 19: 23—52. (In Eng.)
- Ushiro Hiroshi 1995. Chronological correlation concerned to the Okhotsk Culture. *Final Reports on "Research Project of the Historical and Cultural Exchange of the North"*. Sapporo, Historical Museum of Hokkaido Publ.: 45—64. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 24.12.2024